

В.М. Чекмарёв

АРХИТЕКТУРА МОСКВЫ В ИССЛЕДОВАНИИ БРИТАНЦА РОБЕРТА ЛАЙЕЛЛА 1820-Х ГОДОВ

В специальной литературе заявленная тема до сих пор не являлась предметом рассмотрения. Основываясь на содержании изданной в 1823 г. Р. Лайеллом в Лондоне богато иллюстрированной книги «Характеристика русских и подробная история Москвы. Иллюстрирована многочисленными гравюрами», удалось уточнить целый ряд вопросов, напрямую связанных с архитектурно-художественным своеобразием послепожарной Москвы.

Детально описывая застройку и благоустройство центральной части города, автор, прежде всего, акцентирует внимание на восстановленных после 1812 г. ансамблях Кремля и Красной площади с наиболее примечательными элементами их застройки, в том числе оказавшейся полностью утраченной во время французской оккупации. Цель исследования — дополнить историю послепожарной Москвы новыми свидетельствами и вполне конкретными данными заинтересованного иностранного исследователя, современника и очевидца, проработавшего в России около восьми лет, с 1815 по 1823 г. Это представляется особенно важным еще и потому, что при написании отдельных разделов книги автор опирался на опубликованные труды, изданные как в самой России, так и за границей.

В рамках данного исследования удалось прояснить архитектурные и визуальные особенности целого ряда московских зданий и сооружений, выстроенных в послепожарный период. В предлагаемой работе анализируются также и некоторые аспекты сугубо личного авторского восприятия послепожарной Москвы, так или иначе отражающие взгляд иностранца на историю русского зодчества.

Ключевые слова: архитектура Москвы, эпоха ампира, послепожарная застройка, Роберт Лайелл, английская гравюра

V.M. Chekmarev

THE ARCHITECTURE OF MOSCOW IN THE STUDY OF THE BRITON ROBERT LYELL IN THE 1820S.

In the specialized literature, the stated topic has not yet been the subject of targeted consideration. Based on the contents of the richly illustrated book "The character of the Russians and a detailed history of Moscow. Illustrated with numerous engravings" published in 1823 by R. Lyell in London. Illustrated with numerous engravings, it was possible to clarify a number of issues directly related to the architectural and artistic originality of post-war Moscow. Describing in detail the building and landscaping of the central part of the city, the author first of all focuses on the ensembles of the Kremlin and the Red Square restored after 1812 with the most notable elements of their development, including the one that was completely lost during the French occupation. The purpose of the study is to supplement the history of post-fire Moscow with new evidence and quite specific data from an interested foreign researcher, contemporary and resident, who worked in Russia for about eight years, from 1815 to 1823. This seems especially important also because when writing separate sections of the book, the author relied on published works edited both in Russia and abroad.

Within the framework of this study, it was possible to clarify the architectural and visual peculiarities of a number of Moscow buildings and structures built in the post-fire period. The proposed work also analyzes some aspects of the author's purely personal perception of post-fire Moscow, which somehow reflect a foreign view of the history of Russian architecture.

Keywords: architecture of Moscow, Empire era, post-fire buildings, Robert Lyell, English engraving

ВВЕДЕНИЕ

В Отечественной войне 1812 г. среди городов Российской империи наибольшим разрушениям подверглась именно Москва, восстановление которой растянулось как минимум на два последующих десятилетия. Следует подчеркнуть, что архитектура и градостроительство этой древней столицы в послепожарный период все еще остается одной из актуальнейших тем в истории развития русского зодчества. Этому посвящен целый ряд исследовательских работ (Будылина 1951: 135–190; Кириченко 1984: 54–62; Нащокина 1997: 270–302; Покровская 1997: 24–35; Молокова 2012: 17–22), среди которых заметно выделяется структурным и многоаспектным своим подходом монография доктора исторических наук, крупнейшего исследователя Москвы П. В. Сытина (1885–1962) (Сытин 1972: 33–177).

Впрочем, все эти исследования опирались исключительно на отечественные источники. При этом единственная монография, созданная на основе иностранных свидетельств о древней Москве, охватывает лишь период XV–XVII вв., однако и в ней полностью отсутствуют происходящие из зарубежных книжных изданий тематические иллюстрации (Сухман 1991). Собственно, поэтому нам было важно предоставить фактические данные об архитектуре и градостроительстве послепожарной Москвы, происходящие из одного из наиболее примечательных иностранных трудов. Как раз в рамках заявленной темы представляет особый интерес не имеющее иностранных аналогов богато иллюстрированное исследование Р. Лайелла начала 1820-х гг. Однако прежде всего следует предельно кратко высветить деятельность его британских предшественников, зафиксировавших в книжной графике архитектурный облик русской столицы Москвы за весь предшествующий период (1676–1816 гг.).

Первое изображение находим на полях опубликованного генплана Москвы известным лондонским картографом Д. Спидом (John Speed, 1551–1629). В изданном им в 1676 г. в Лондоне картографическом издании «Перспектива самых известных уголков мира» он включил и «Карту России», на которой представлена панорама Московского Кремля со стороны Красной площади: помимо довольно крупного каменного объема собора Василия Блаженного, художник

представил располагавшиеся на ней несколько совсем небольших деревянных церквей, здесь же замечаем и широкий ров у кремлевской стены, и сильно протяженное одноэтажное торговое строение, и приближенные к Москве-реке торговые ряды из частных лавок (Speed 1676).

В 1671 г., уже после кончины автора, в английской столице увидит свет книга под заголовком: «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя». Текст целиком основывался на рукописи долгого время прожившего в Москве англичанина, придворного врача Алексея Михайловича, С. Коллинза (Samuel Collins, 1619–1670). Там и находим гравюру под названием «Колокольня Ивана Великого в Москве» (Collins 1671). Эта самая высокая городская вертикаль несомненно привлекла особое внимание автора весьма занимательной своей архитектурой, а потому в подробном описании царской резиденции в Кремле он упомянет ее особо: «Высокая башня, называемая Иваном Великим, построена Иваном Васильевичем; она служит колокольнею и на ней 50 или 40 колоколов. Глава этой башни позлащена, сама же она выстроена из кирпича и камня и вышиною равняется с башнею Св. Марка в Венеции». Впрочем, лондонский автор упомянутой гравюры весьма условно представлял себе реальную конструкцию этого уникального сооружения: судя по изображению, эта главная пятиярусная кремлевская звонница Ивана Великого («Ivan Velakcy – John the Great») насчитывала только пять ярусов, а завершалась она традиционно русским шлемовидным куполом с крестом. При этом всего лишь на трех ярусах находим массивные колокола, которые симметрично размещались в подчеркнuto крупных сквозных проемах. То, что облик колокольни в целом уже соответствовал «правильной» или ордерной архитектуре, наглядно свидетельствует изображенный на уровне первого яруса «классический» портик с легко узнаваемым треугольным фронтоном, а также размещенные на каждом ярусе колонны, дополненные своеобразными базами и капителями, тому же «классическому вкусу» отвечала и рустовка оштукатуренных стен, и даже контрастно разделявшие все ярусы многопрофильные карнизы.

Исполненная лондонским мастером Д. Хулеттом (John Hulett) гравюра с панорамой московского Кремля иллюстрировала книгу известного английского драматурга и библиографа Д. Моттли (John Mottly, 1692–1750) «История жизни Петра Первого, императора Российского» (1739) (Mottley 1739). Относящийся фактически к началу 1700-х гг. этот гравированный «Вид Москвы» («Prospect of Moscow») автор скопирует с более ранней гравюры, созданной по рисунку нидерландского художника, путешественника и писателя К. Брюина (Cornelis de Bruijn или de Bruyn, 1652–1727) для первого голландского его издания 1718 г. «Путешествия через Московию...». Вслед за голландской гравюрой гравированный лист британца запечатлел величественную панораму Кремля с каменного Всехсвятского моста, совсем недавно выстроенного через Москву-реку. Именно эта юго-западная точка обзора наиболее эффектно передавала его удивительное художественное своеобразие. Несмотря на неточности в изображении целого ряда фрагментов кремлевского ансамбля, картинка в целом достаточно верно передает общее возвышенное положение этой сильно укрепленной крепости, акцентированной устремленными в небо многочисленными вертикалями своих башен. Наиболее же существенное понижение рельефа показано в двух направлениях — к Москве-реке и р. Неглинке. Находим здесь и здание старого Кремлевского дворца, и поднимающийся в гору арочный мост, соединивший Кутафью и Среднюю Арсенальную башни, и сильно протяженные каменные стены, включая укрепленные башни Белого города, а в самой значительной кремлевской вертикали нетрудно угадать колокольню Ивана Великого.

Во время своего сильно растянувшегося по времени пребывания в России в 1799 г. английский путешественник и писатель Э. Кларк (Edward Daniel Clarke, 1769–1822) неизменно делал с натуры собственные зарисовки самых примечательных для себя мест и предметов (Clarke 1816). Однако в отношении к архитектурным видам Москвы он воспользуется графикой выходцев из Италии архитекторов Дж. Кваренги (Giacomo Antonio Domenico Quarenghi, 1774–1817) и Ф. Кампореизи (Francesco Camporesi, 1747–1831), а также активно работавшего в России немецкого рисовальщика, гравера и ил-

люстратора К. Гейслепа (Christian Gotfried Heinrich Geisler, 1770–1844). Из наиболее впечатляющих видов древней столицы предпочтение будет отдано только двум. Один из них запечатлел панораму одной из центральных улиц Белого города с особенно эффектно расположенным на возвышении объемом главного усадебного дома Пашкова. Другой панорамный вид был снят уже с возвышенности, что позволяло охватить весьма обширную часть города, наилучшим образом открывавшуюся в непосредственной близости от церкви Св. Николая Чудотворца в Воробине, помещенной в центр композиции. Эти сюжеты, как представляется, были избраны Кларком отнюдь не случайно — помимо сугубо архитектурной своей привлекательности, они демонстрировали еще и многообразие городского рельефа, и тесное взаимодействие с разновременной и разноэтажной московской застройкой: именно эта столь характерная для Москвы городская среда радикальнейшим образом отличалась от расположенного в целом на плоскости С.-Петербурга.

Уникальные свидетельства московских разрушений 1812 г. были зафиксированы в целой серии опубликованных иллюстраций английского путешественника и рисовальщика, епископа англиканской церкви Д. Джеймса (John Thomas James, 1786–1828) в собственной книге «Дневник путешествия по Германии, Швеции, России и Польше, совершенного в 1813 и 1814» (James 1816). Открывающуюся с Москвы-реки величественную панораму всего кремлевского ансамбля с целым рядом утрат он изобразит со стороны Всехсвятского моста. Не менее масштабные разрушения Кремля Джеймс представит и со стороны Красной площади: здесь и находим остатки корпуса торговых рядов, сильно пострадавшую от взрыва Никольскую башню, руины Арсенала, фрагмент здания Городской думы и лишившуюся своего шатрового завершения угловую Арсенальную башню. А в качестве самого важного объекта разрушений уже на территории Кремля Джеймс представит на первом плане уцелевшую часть колокольни Ивана Великого с разрушенными до основания Успенской звонницей и Филаретовой пристройкой. Также с натуры Джеймс зарисует интерьер Грановитой палаты, сильно пострадавшей также от взрыва.

Еще на четырех картинках он представит чудовищные разрушения и в других частях Москвы. Так, на очередной своей панораме он разместит гравированный рисунок «Руины дворцов Меншикова, Пашкова и Апраксина в Белом городе». На этот раз совместно с церковью Николая Стрелецкого он зафиксировал в самом центре города полностью выгоревший обширный массив близлежащей к Кремлю каменной застройки. Не менее драматичная сцена городской разрухи представлена на гравированном рисунке под заголовком «Улица в руинах. Москва» (James 1827). Посетит Джеймс и район бывшей Немецкой слободы, где и зарисует уцелевший фрагмент «Дворца Безбородко (Слободского)» (James 1816). Этот прежде парадный зал одного из самых богатейших зданий Москвы, существенно выделявшийся среди прочих дворцовых помещений и величиной, и уникальной архитектурной проработкой, полностью утратил перекрытие и изысканную отделку, но все еще сохранял периметр капитальных стен.

Владелец плантаций на Ямайке, английский путешественник, писатель и художник-любитель Р. Джонсон (Robert Johnston, 1783–1839) побывает в России в 1814 г., а в следующем издает собственное сочинение под названием «Путешественники по частям Российской империи и Польше, вдоль Южного побережья Балтийского моря» (Johnston 1815). Один из помещенных в эту книгу его рисунков демонстрировал со стороны Каменного моста несколько утрированный вид панорамы Московского кремля. Взяв за основу изданную в самом конце XVIII в. гравюру, созданную по рисунку работавшего в России с 1787 по 1810 г. французского живописца Жерара Делабарта (Gérard de la Barthe, 1730 – ?), Джонсон фактически создал собственную композицию с фиксацией разрушений двухлетней давности. А призванный соответствовать наибольшей достоверности второй рисунок под заголовком «Одно из владений Китай-города в Москве» уже демонстрировал на фоне бесконечного ряда церковных главок и в окружении мелкомасштабных торговых строений столь характерную для Китай-города повседневную деловую жизнь россиян.

Британский изобретатель, график и издатель немецкого происхождения Р. Аккерман (Rudolph Ackermann, 1764–1834),

впечатленный беспримерными успехами российской армии, за полугодовой период переломившей хребет наполеоновской армии, выпустит в Лондоне комплект из 12 гравюр под заголовком «Исторические наброски о Москве, иллюстрированные 12 видами разных частей столичного города» (Ackermann 1813). Стремясь передать величественный облик еще допожарной Москвы в 12 видах, он воспользуется уже изданными гравюрами двух работавших в России на рубеже XVIII–XIX вв. западноевропейских мастеров — итальянского архитектора и гравера Ф. Кампорези (Francesco Camporesi, 1747–1831) и французского живописца, рисовальщика и гравера Ж. Делабарта (Gérard de la Barthe).

И также в Лондоне в 1816 г. была выпущена «Иллюстрированная летопись важных событий Европы за 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.» (Bensley 1815). В качестве издателя выступал Т. Бенсли (Thomas Bensley, 1759–1835), новатор в области паровых печатных станков и изготовления книжных литографий. Сами же иллюстрации были созданы известным английским гравёром Р. Бауэром (Robert Bowyer, 1758–1834), который Первопрестольную представит двумя гравюрами: «Вид Москвы от императорского дворца» и «Вид Кремлевского строения в Москве с Каменного моста». Причем обе были им скопированы, первая — с московской серии Ф. Кампорези, другая — с гравюры Ж. Делабарта.

МОСКВА НАЧАЛА 1820-Х ГГ. Р. ЛАЙЕЛЛА

Уже послепожарную Москву с целым рядом ее характерных архитектурных объектов находим в опубликованных иллюстрациях врача, ботаника и путешественника Р. Лайелла (Robert Lyall, 1790–1831). В российскую столицу прямо из Шотландии он прибыл в 1815 г. и в качестве врача довольно успешно практиковал преимущественно в аристократических и дворянских семьях, сначала в Петербурге, а затем в Калуге, Москве и Подмоскovie. Окончательно Лайелл покинет Россию только восемь лет спустя, в августе 1823 г., успев до этого в апреле-августе 1822 г. совершить путешествие по Крыму, Грузии и нескольким южным российским губерниям. Оказавшись в Лондоне в 1823 г., Лайелл опубликовал посвященную Александру I собственную «диссертацию»

под названием: «Характеристика русских и подробная история Москвы. Иллюстрирована многочисленными гравюрами» (Lyall 1823). Как выясняется, при разработке этой темы Лайелл активно привлекал имеющиеся труды на заданную тему, прежде всего изданные в самой России, относительно чего замечал: «Особо упоминаются русские произведения, которыми я пользовался, а также немецкие, французские и британские авторы» (Lyall 1823: 14). А в Предисловии Лайелл подчеркнет, что для книжных иллюстраций использовал в том числе графические листы Лаврова: «Большая часть рисунков, которые сопровождают эту книгу, были выполнены русским, мистером Лавровым (Mr. Lavrof). Были выбраны наиболее интересные сцены и ракурсы, и там, где естественные цвета казались существенно важными для создания эффекта, они были использованы. Я считаю, что оригиналы являются наиболее достойным проявлением таланта художника» (Lyall 1823: 15). В данном случае имеется в виду Иван Алексеевич Лавров (1785–1819), выпускник архитектурной школы при экспедиции Кремлевского строения. Известно, что в 1804–1808 гг. он являлся «архитекторским помощником» и наблюдал за строительными работами в подмосковной усадьбе Царицыно, а с 1817 г. трудился в экспедиции Кремлевского строения. В собрании Государственной Третьяковской галереи хранится датированная концом 1810-х гг. его акварель «Вид Симонова монастыря», входившая в состав альбома, принадлежавшего императрице Марии Фёдоровне (1759–1828) (ГТГ. Инв. 27809/19). Примечательно и то, что все его содержимое исключительно в акварельной технике было создано молодыми архитекторами, выпускниками упомянутого архитектурного училища.

Столь тщательно собранная Лайеллом во время пребывания в России и доставленная им в Англию целая серия графических листов была призвана по его же собственному мнению демонстрировать архитектурные и художественные особенности древней русской столицы. Именно они являлись особо важной составной частью содержательных авторских очерков. Всего лишь часть отобранных и опубликованных самим же Лайеллом чертежей и рисунков гравировалась в технике акватинты в Лондоне английским мастером Э. Финденом (Edward Finden, 1791–1857), незаурядным автором

огромного числа гравюр. Иллюстратором книги, как выясняется, был и сам Лайелл, о чем и упомянет в тексте: в частности, именно с ним следует связывать вычерчивание некоторых планов московских строений. Он также использовал ряд иллюстраций из прежде опубликованной английской книги.

Напрямую связанные с послепожарной архитектурной тематикой Москвы опубликованные Лайеллом гравированные листы следует разделить на две группы: к первой относятся наиболее примечательные панорамы с широким захватом застройки исключительно в центральной части города, ко второй восходят фасады и планы целого ряда зданий, оказавшихся для него наиболее примечательными. А для привязки весьма развернутых текстовых пояснений к конкретике места автор разместит в собственной «диссертации» и гравированный на меди лондонским мастером Митлоу (Mitlow) современный генплан Москвы: «Отличный новый план Москвы, который прилагается, будет в высшей степени полезен, особенно путешественникам, поскольку он объясняется с большой подробностью. (...) На этом плане изображены два ряда цифр, первая из которых относится к общественным зданиям, а вторая — к улицам. Чтобы избежать путаницы, номера, обозначающие улицы, по большей части выгравированы на них. Пунктирными линиями обозначены границы двадцати кварталов Москвы, которые разделены на восемьдесят восемь кварталов... все они окружены Камер-коллежским валом... Эта граница разделена шестнадцатью заставами, или барьерами, которые указаны на плане и подробно описаны... В описании Москвы порядок следования приведен на этом плане. Каждое здание в Кремле подробно описано, и читатель может обратиться к этим описаниям для пояснения любых терминов, которые могут быть ему не совсем понятны. В других крупных районах города только самые интересные объекты имеют подробную историю» (Lyall 1823: 16, 607) (рис. 1).

Все три панорамы послепожарного кремлевского ансамбля Лайелл представит со стороны Москвы-реки. Признавая их самыми значимыми в образно-художественном и архитектурно-композиционном восприятии древней русской столицы, он отметит следующее: «Московский Кремль, взятый в целом, является одним

Рис. 1. План города Москвы в 1823 году. Главные районы Москвы: а — Кремль; б — Китай-город; с — Белый город; d — Земляной город; е — Пригород или Слобода (Lyall 1823)

из самых необычных, красивых и величественных объектов, которые я когда-либо видел. Его превосходное расположение на берегах Москвы-реки, его высокие и величественные белые стены с многочисленными зубцами, башни и шпили разных цветов, количество и величина некоторых из его прекрасных зданий с по-разному окрашенными крышами, разнообразие его соборов, церквей, монастырей и звонниц с их почти бесчисленными куполами, позолоченными, оловянными или зелеными: действительно, вся картина представляет собой одновременно разнообразное единство, созвучие и несочетаемость предметов, контраст древних и современных произ-

ведений искусства и вкуса, красоту, величие и великолепие, неопишемые и совершенно уникальные.

Чтобы быть понятым, его нужно увидеть, а когда его видят, он всегда вызывает восторг или удивление. Почти все виды Кремля поразительны и красивы, особенно с востока, юга и запада, поскольку окружающая местность, расположенная вдоль течения Москвы-реки, находится ниже, эта грандиозная часть города остается открытой для полного обозрения. Пейзаж вдоль всего берега Москвы-реки, если смотреть на него в лучах восходящего или заходящего солнца, или когда на севере, востоке или западе, противоположном тому месту,

Рис. 2. Общий вид Кремля (Lyal 1823)

где стоит наблюдатель, находится черная туча, не поддаётся описанию. Вид снят из окрестностей воспитательного дома, с Москворецкого деревянного моста, с южного берега реки выше этого моста из церкви, недалеко от дома Тутолмина на Вшивой горке, с Каменного моста, с Крымского брода, с юго-западного луга, принадлежащего ее превосходительству графине Орловой-Чесменской над Крымским бродом с западного берега Москвы-реки, немного выше Каменного моста, где находится несколько деревянных складов, заслуживающих особого внимания. Этот последний вид открывается на Каменный мост, и Кремль красиво возвышается над поверхностью реки.

Путешественник, который в погожий день отправится на прогулку, начав ее с Москворецкого моста, пройдет по южной стороне Москвы-реки и вернется по Каменному мосту, будет восхищен разнообразием видов великолепного Кремля, открывающихся на каждом шагу, и будет щедро вознагражден за свой труд» (Lyal 1823: 122, 123) (рис. 2–4).

Одна из наиболее значимых панорам, созданная с юга под названием «Общий вид Кремля», как уточняет автор, была снята Лавровым прямо «с колокольни церкви, расположенной на южной стороне Водного канала, почти напротив центра Кремля. Наблюдатель, поднявшийся на уровень Кремля, одним взглядом ви-

Рис. 3. Вид на Кремль со стороны Москворецкого моста (Lyal 1823)

Рис. 4. Вид на Кремль с высоты Каменного моста (Lyall 1823)

дит все здания, которые здесь представлены. В настоящее время река Москва видна не так хорошо, как на момент создания рисунка, из-за вмешательства некоторых новых зданий, но в природе она все еще существует такой. Этот необычайно красивый, живописный и неповторимый вид хорошо иллюстрирует историю Кремля... На переднем плане изображена река Москва с ее высокой каменной набережной, поддерживающей железную балюстраду, набережная Кремля с многочисленными фигурами в национальных костюмах, помимо казаков, с различными видами экипажей, большая часть укрепленных стен Кремля с их древними башнями и воротами, зеленый берег, плавно поднимающийся за ними» (Lyall 1823: 23). Эту первую панораму Кремля дополняла вторая, открывавшаяся также из Замоскворечья, но уже с восточной стороны: «Вид на Кремль из-под Москворецкого моста, включает в себя плоский деревянный мост, часть Москвы-реки, несколько магазинов и типографий вдоль стен Китай-города, часть стен и башен Кремля» (Lyall 1823: 26).

Территория же самого Кремля удостоится двух панорамных видов: «Вид на Кремль с Парадной площади» и «Вид в Кремле на Императорскую площадь» (рис. 5, 6). Первый зимний вид запечатлел фрагменты Чудова монастыря и здания Сената с его куполом, церковь Двенадцати апостолов, Дом патриархов, Ивановскую колокольню, часть Грановитой палаты, а также Императорский дворец, собор

Св. Михаила и некоторые кремлевские башни совместно с многочисленными горожанами, каретами и санями. При этом Лайелла прежде всего привлечет архитектура главной городской колокольни: «После соборов Ивановская колокольня является следующим объектом, который, естественно, привлекает наше внимание как благодаря своему расположению, размерам, элегантности и великолепию внешнему виду, так и из-за того, что она предназначена для использования в этих соборах. (...) Архитектура и внешний вид Ивановской колокольни за много лет до вторжения французов в 1812 году были почти такими же, как и в настоящее время. Перед памятной эпохой ухода врага эта колокольня была подорвана на минах: действительно, все здание было обращено в руины, за исключением башни Ивана Великого, и эта башня подверглась страшному сотрясению. Она была разрушена сверху донизу и имела другие повреждения, но ни одна ее часть не упала. Французы лишили Ивана Великого его креста, который впоследствии был найден среди руин. Во времена их пребывания в древнем мегаполисе эта башня служила своего рода обсерваторией и сигнальным постом. (...) Эта колокольня сейчас полностью отремонтирована и, я полагаю, стала еще красивее и великолепнее, чем когда-либо, хотя некоторые русские, похоже, думают, что Иван Великий стал немного пьян, т.е. навеселе, с тех пор как прогремели взрывы. Однако, если он не стоит прямо, то отклонение от пер-

пендикуляра не очень заметно. Ивана Великого можно назвать полярной звездой Москвы, поскольку он виден почти из любой точки этой огромной столицы, а также из окрестностей, и часто на большом расстоянии, в ясную погоду, особенно на подступах к городу с востока, юга и запада» (Lyall 1823: 192, 193).

Впрочем, более всего автор вдохновился величественной панорамой, открывавшейся с одного из верхних ярусов этого самого высокого московского сооружения: «Виды, открывающиеся из Кремля, очаровательно обширны и разнообразны. Я просто описываю виды, открывающиеся с башни Ивана Великого, которая в некотором смысле включает в себя их все, поскольку является самым возвышенным объектом в Кремле, да и вообще в Москве. Из этого описания читатель может представить, как меняется вид с высоты или при смене ситуации. Поднявшись на Ивана Великого по круговой винтовой лестнице, насчитывающей более 200 ступеней, мы попадаем на второй балкон, где оцениваем нашу ситуацию. Если обратить внимание на юг, то сразу под нами окажутся соборы Успения Пресвятой Богородицы и Архангела Михаила, дворец и Грановитая палата, дворец великого князя Николая Павловича, стены Крем-

ля с их различными башнями, Спасские ворота Спаса Нерукотворного, Покровский собор, Боровицкие ворота, извилистая Москва-река с ее набережными и романтическими берегами, Москворецкий и Всесвятский мосты и Крымский брод, дома графини Орловой-Чесменской и князя Юсупова, больница Голицына, Ново-Девичий женский монастырь, Донской, Новоспасский, Андреевский, Симонов и Даниловский монастыри, соперничающие друг с другом в своем прекрасном расположении, множество церквей с их бесчисленными куполами и колокольнями, множество дворцов, частных особняков и общественных зданий, особенно огромная воспитательная больница, открытые пространства, поля, сады, рыночные площади, места, поросшие деревьями, и многочисленные руины памятного 1812 года. Вдалеке виднелись Воробьевы горы, покрытые высоким темным лесом, село Коломенское, Перевинская духовная семинария, церкви старообрядцев... с их красивыми и разнообразными окрестностями, простирающимися на многие версты и разнообразными холмами, и долинами, лесами и возделанными полями: все они вносят свой вклад в грандиозную панораму» (Lyall 1823: 123, 124).

Рис. 5. Вид на Кремль с Парадной площади (Lyall 1823)

Рис. 6. Вид в Кремле на Императорскую площадь (Lyall 1823)

Картинка под заголовком «Вид в Кремле на Императорскую площадь» демонстрирует расположенный в юго-западной его части замощенный квадратными плитами обширный плац с неспешно прогуливающимися людьми. Именно отсюда одновременно открывалась часть фасада Арсенала, Потешный дворец, Императорский музей или Оружейная палата, а также проступающие на отдалении купола Успенского собора, здания Сената, строения Ивановской колокольни и Чудова монастыря. Однако наиболее эффектно воспринималось с площади фланкирующее ее с восточной стороны двухэтажное здание Оружейной палаты, выстроенной на месте палат Бориса Годунова по проекту архитектора И. В. Еготова (1756–1815) в 1807 г. в соответствии с последовавшим годом ранее указом Александра I о формировании дворцового императорского музея на основе коллекции Оружейной палаты и постройке здания на Сенатской площади для перенесения в него коллекции. Его симметричный главный фасад в стиле классицизма был отмечен боковыми ризалитами и центральным колонным портиком, завершенным треугольным фронтоном.

Среди наиболее значимых достопримечательностей Кремля удостоится особого внимания Лайелла и восточный фасад Успенского собора, представленный

детально вычерченным отдельным чертежом (рис. 7). В авторском разъяснении к нему читаем: «Успенский собор, как уже отмечалось, послужил образцом для многих других соборов и церквей. Прекрасное расположение этого собора, его размеры по сравнению с другими церквями, его великолепные купола, внутреннее великолепие и богатство — все это привлекает внимание. Его связь с церковной, гражданской и политической историей России придает ему более чем обычное значение и служит оправданием того количества страниц, которые посвящены его освещению. Успенский собор — это большое, продолговатое, квадратное здание, построенное в очень простом архитектурном стиле, и очень высокое по сравнению с другими своими размерами... однако его внешняя форма не совсем элегантна. Из центра его крыши, выкрашенной в зеленый цвет, поднимается большой купол, который окружен четырьмя такими же куполами, но несколько меньшего размера. Вершины, или главки всех этих куполов, покрыты сильно позолоченной медью и увенчаны простыми позолоченными крестами с позолоченными цепями, тянущимися к крыше купола, к которой они прикреплены, чтобы прочнее закрепить кресты на своем месте и предотвратить любой несчастный случай от ветра. (...) Неф церкви включает

в себя переднюю часть иконостаса, четыре колонны, большой центральный и два западных купола» (Lyall 1823: 146).

Вслед за Кремлем особый интерес Лайелл проявил к фактически полностью воссозданному заново ансамблю главной городской площади, существенно преобразившейся после 1812 г.: «Красная площадь или Прекрасное место представляет собой большую продолговатую площадь, ограниченную с запада восточной стеной Кремля и прилегающим к ней бульваром, с востока — величественным фасадом торговых лавок, с севера — двойными Воскресенскими воротами, с каждой стороны к которым примыкают здания для судов и контор, а также Казанский собор, на юге — Покровский собор и Лобное место. Наибольшая длина Красной площади от Воскресенских ворот до центра Лобного места составляет 180 саженей, или 1260 футов, а наибольшая ширина напротив центрального фасада магазинов, до стен Кремля, составляет 26 саженей, или 434 фута.

В настоящее время само название «Прекрасная площадь» отнюдь не является ошибочным. Красная площадь действительно является одной из самых больших, красивых и необычных площадей или мест в Европе или в мире. Почти в центре этой площади стоит памятник Минину и Пожарскому, расположенный в наиболее подходящем месте и являющийся прекрасным украшением Красной площади, тем более что он связан с событиями древности и самим поведением героев» (Lyall 1823: 248–249).

Послепожарную Красную площадь Лайелл представит двумя панорамными видами — «северной» и «южной» своими половинами (рис. 8, 9). Первый, созданный примерно посередине площади с южной стороны, зафиксировал уже восстановленные после взрыва в 1812 г. кремлевские Никольскую и Арсенальную башни, все еще сохранявшееся здание выстроенного в XVII в. Земского приказа, в котором тогда размещались органы городского самоуправления, проездные Воскресенские ворота, колокольню Казанского собора, половину Верхних торговых рядов, возведенных в 1815 г. по проекту архитектора О.И. Бове, а также помещенный прямо в центре площади в 1817 г. памятник Минину и Пожарскому, созданный скульптором И.П. Мартосом. В прилагаемой к этой картинке замет-

Рис. 7. Восточный фасад Успенского собора (Lyall 1823)

ке читаем: «Примыкающие к восточной стене Кремля ров и земляной вал сохранились до 1813 года. Затем крепостной вал был уменьшен и выровнен, ров засыпан, и на их месте, между Спасскими и Никольскими воротами, был образован ныне существующий надземный променад, или бульвар. Фасады магазинов, которые сейчас расположены с восточной стороны, были перестроены в 1813–1817 гг. В те годы вся площадь была вымощена, украшена орнаментами и благоустроена по-настоящему. Мосты у Спасских ворот и ворот Святого Николая почти исчезли, и посторонний человек, направляясь по ним в Кремль, просто предполагает, что он идет по обычной дороге или улице с парапетами и балюстрадами по обе стороны.

Кафедральный собор Казанской Богородицы, или Казанской Богоматери, Казанский собор, стоит на северо-западном углу Никольской улицы, или улицы Святого Николая, и выходит окнами на Красную площадь, а также на ворота Святого Николая. Это небольшое и очень простое здание с единственным куполом на крыше и примыкающей к нему старомодной колокольней» (Lyall 1823: 250).

Рис. 8. Северная половина Красной площади (Lyuall 1823)

Панорамный вид всей «Южной половины Прекрасной площади» демонстрировал открывающуюся прямо от портика торговых рядов не менее величественную картину. Как раз с этой точки зрения, помимо очередного разноликого стаффажа летней порой с экипажами и дрожками, Лавров зафиксирует «вид на часть стен и башен Кремля, и особенно прекрасный вид на Спасские ворота с их готической колокольней, домик сторожа или будку с частью города вдалеке, уни-

кальный собор Покрова Пресвятой Богородицы, или Покровский собор... Лобное место, часть фасада Торговых лавок» (Lyuall 1823: 248).

Симметричный главный фасад Иверской часовни при Воскресенских воротах Лайелл представит со стороны проезда на Красную площадь, т.е. с северной стороны (рис. 10). Как раз для защиты особо почитаемой Иверской иконы Божией Матери от ветра и дождя в 1680 г. была выстроена вместо прежнего про-

Рис. 9. Южная половина Прекрасной площади (Lyuall 1823)

стого навеса миниатюрная деревянная постройка, которая перестраивалась в 1746 г., а в 1791 г. приобрела свой окончательный вид вслед за последовавшей ее перестройки в стиле классицизма уже в камне по проекту архитектора М.Ф. Казакова (1738–1812). Вскоре после 1812 г., уже в качестве явно знакового памятника победы над Наполеоном, часовня приобрела реализованные по проекту итальянского декоратора, архитектора и теоретика искусства П. Гонзаго (Pietro di Gottardo Gonzago, 1751–1831) дополнительные украшения как в интерьере, так и на фасадах. Теперь ее объем увенчивала позолоченная фигура ангела с крестом, а голубой купол украшался семиконечными звездами, что и зафиксировала гравюра.

Среди объектов застройки китайгородской ул. Никольской, напрямую связанной одним своим концом с Красной площадью, особого внимания Лайелла удостоится здание «Типографии Священного Синода», представленное на рисунке своим главным уличным «готическим» фасадом, практически заново созданным в 1811 г. по проекту архитекторов А.И. Баркарева (1762–1817) и И.Л. Мироновского (1774–1860) (рис. 11). Неслучайно эта весьма примечательная во многих отношениях «готическая» постройка будет им описана достаточно подробно: «Типография Священного Синода, Синодальная типография, или Духовная типография на плане образует длинный ряд зданий на северной стороне Никольского переулка, или улицы. Время, когда была построена так называемая типография, точно не известно, но в 1645 г. она была отремонтирована и стала типографским учреждением. С тех пор она претерпевала частые изменения. До 1811 г., когда его начали сносить, это было старое, низкое, любопытное здание, описанное разными путешественниками. Во время пребывания французов в Москве оно было разрушено и сожжено, а недавно перестроено по новому плану в готическом стиле.

Центр здания высотой в три этажа украшен четырьмя резными витыми колоннами с коринфскими капителями, над которыми возвышаются готические башенки. Этими колоннами центр разделен на три части: на первом этаже находятся центральные ворота, с каждой стороны которых расположены книжные лавки для продажи церковных трудов и других книг, напечатанных здесь. В центре фаса-

Рис. 10. Иверская часовня (Lyall 1823)

да на первом этаже находятся три готических окна с солнечными часами с каждой стороны, а в центре второго — британский лепной герб, корона, лев и единокор огромный размеров, а над ними герб императора Александра. (...) Остальные части здания высотой в два этажа украшены простыми пилястрами, по две из которых на каждом конце увенчаны готическими башенками. Окна большие и очень аккуратные, а те, что на нижнем этаже, забраны железными решетками. В целом типография представляет собой очень красивое сооружение, но, по-видимому, не хватает гармонии между резными колоннами и общим готическим обликом здания, а также присутствуют и некоторые другие недостатки.

В Синодальной типографии имеется тридцать печатных станков, большинство из которых используются для оттиска церковных книг на славянском языке, а также для печатания книг на греческом, латинском, французском и немецком языках для нужд духовных школ, находящихся в ведении синода» (Lyall 1823: 267–269).

Рис. 11. Типография Священного Синода (Lyalл 1823)

Воспользовавшись сочинением о Русской православной церкви своего соотечественника, священнослужителя и антиквара Д. Кинга (John Glen King, 1732–1787), прослужившего капелланом в Петербурге с 1763 по 1774 г., Лайелл позаимствовал отсюда сразу четыре иллюстрации, призванные познакомить английского читателя с характерными особенностями русского церковного зодчества (King 1772). Первые два изображения под заголовком «Иконостас, или экран и план древней русско-греческой церкви» фактически не были связаны с вполне конкретным московским церковным строением, но призваны были продемонстрировать саму специфику разделения единого церковного пространства на ряд функционально взаимосвязанных между собой частей (рис. 12). При этом решенный в стиле барокко и также симметричный иконостас представлял собой многоярусное сооружение, щедро украшенное колоннами классического ордера, рельефами и круглой скульптурой. И также прилагая еще одну гравюру все из того же издания Кинга под названием «Современная русско-греческая церковь и ее план», Лайелл на очередном условном своем примере (фасад и план) во всех подробностях разъяснял своему читателю особенности нынешнего православного церковного зодчества в России (рис. 13). На этот счет он, в частности, заметит: «Я составил этот план, чтобы он также служил иллюстрацией внутреннего убранства соборов России. (...) В при-

веденном выше описании, с некоторыми изменениями, я следовал примеру доктора Кинга, с работы которого скопирована гравюра. (...) На этом плане № 1 — это притвор, 2 — трапезная, 3 — неф с боковыми отсеками и 5 — алтарь» (Lyalл 1823: 84, 85).

Привлечет Лайелла и архитектура полицейских участков, созданных после 1812 г. практически во всех частях Москвы (рис. 14). Специально выполненный чертеж как раз демонстрировал сориентированный к улице главный фасад одного из них. К нему и прилагались весьма развернутые авторские пояснения: «Эти здания построены в таком стиле, что не являются скромным украшением, но в то же время придают городу приятное разнообразие. Они в основном двухэтажные, их центральные части украшены ионическими или дорическими колоннами с треугольными фронтонами над общими антаблементами. Из середины их крыш вырастают высокие деревянные башни, выкрашенные в желтый цвет, с квадратными основаниями, поддерживающими балконы той же формы и дверями, открывающимися с каждой стороны. Чуть выше эти башни круглые и у их куполообразного завершения имеется второй балкон округлой формы (см. рис. 14). На этих башнях постоянно дежурят часовые. ... число пожаров в 1817 году, как и в другие годы, было невелико по сравнению с числом подобных происшествий в Москве в прежние времена, главным образом из-за ежегодного уменьшения деревян-

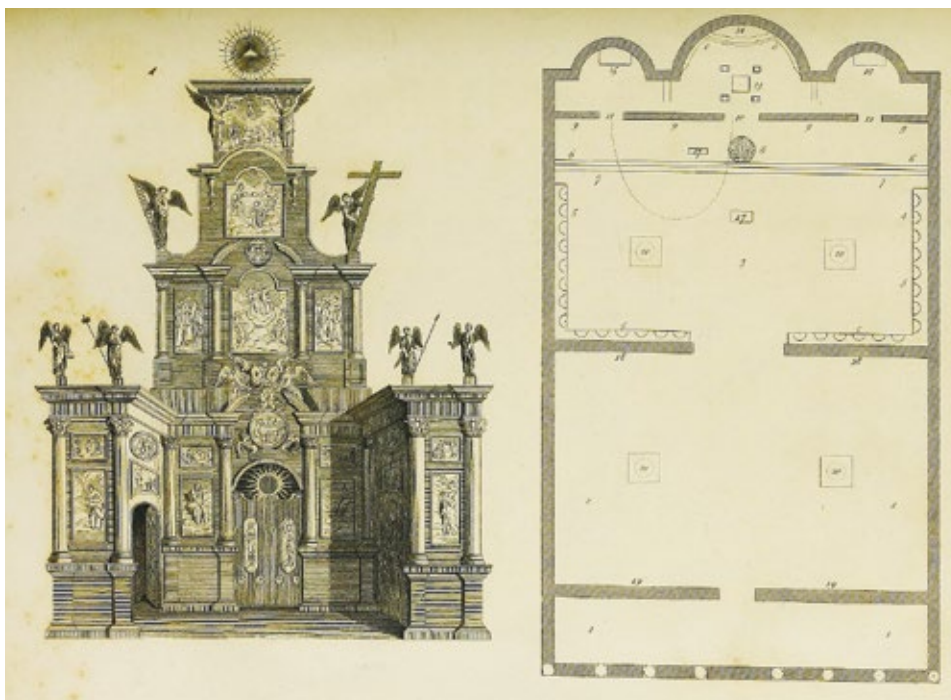

Рис. 12. Иконостас, или экран и план древней русско-греческой церкви (Lyall 1823)

ных и увеличения каменных зданий и активных действий властей с хорошо организованной полицией» (Lyall 1823: 110, 111).

Особого внимания Лайелла удостоится баня в качестве своеобразного сугубо местного архитектурного сооружения

Рис. 13. Современная русско-греческая церковь и ее план (Lyall 1823)

Рис. 14. Полицейский участок (Lyall 1823)

(рис. 15). Неслучайно на прилагаемом детальном проектном чертеже под заголовком «Виды и планы русской паровой бани» находим не только фасады, план и даже продольный ее разрез, но и изображение самой печи с фиксацией на разрезе и самой топки, и отходящей от нее дымовой трубы. Напрямую связан-

ное с картинкой не менее подробное авторское описание фактически позволяло заинтересованному английскому читателю буквально в отдельных деталях познакомиться с особенностью пользовавшегося огромной популярностью этого сугубо русского заведения: «Русская баня в высшей степени заслуживает внимания незнакомого человека не только как объект любопытства, но и как иллюстрация национальных обычаев, как источник отдыха, и, по привычке, необходимый для получения удовольствия, и в то же время как самое мощное средство воздействия на организм человека для профилактики и лечения заболеваний. Истинная природа и ценность русской бани, похоже, никогда не были должным образом оценены за пределами империи. (...) Следует заранее отметить, что русские бани, как правило, построены из дерева, подобно тому, как крестьяне строят свои дома... На гравюре изображена баня, которую предполагалось построить в дворянском поместье.

Внешние части бани можно расположить по своему вкусу; внутреннее устройство бани дворянина и бани крестьянина практически одинаковое. (...) № 1. Общий вход и хранилище для дров и т.д.; № 2. Отдельные раздевалки; № 3. Вход в бани справа и слева и общая комната для раздевания; № 4. Баня-помещение с печью или духовым шкафом, который может открываться либо

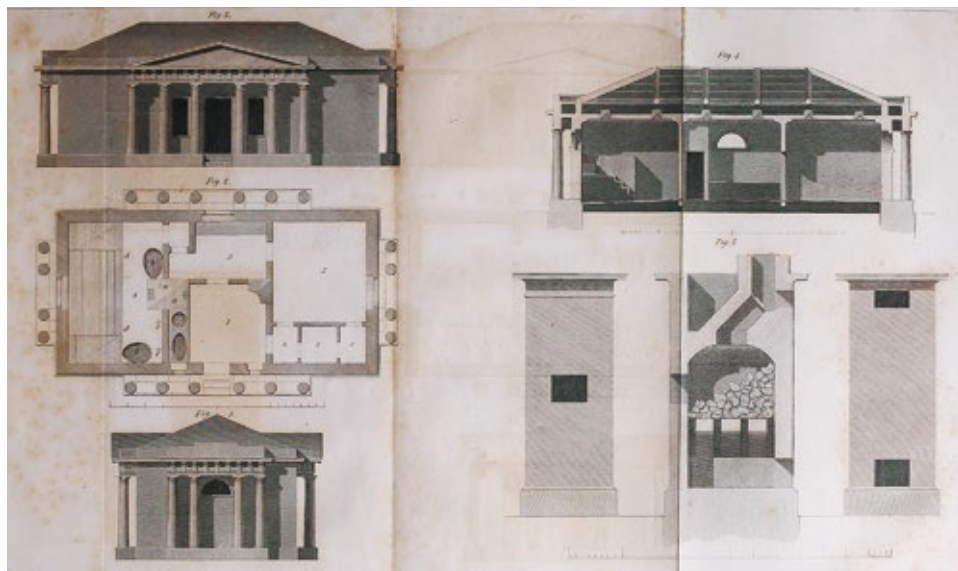

Рис. 15. Виды и планы русской паровой бани (Lyall 1823)

в ванную комнату, либо, что лучше, в помещение под № 1; № 5. Может также использоваться в качестве еще одной ванной комнаты или в бане дворянина в качестве комнаты о развлечениях. (...) На рис. 5 показан способ устройства сводчатой печи для обогрева больших каменных плит, которые укладываются поверх нее.

Без сомнения, в Британии для той же цели использовали бы паровую машину или, по возможности, ванну, расположенную рядом с водопадом. Камни, изображенные над сводчатой печью в центральной части, нагреваются с помощью больших дровяных костров до тех пор, пока не раскаляются докрасна. Затем на эти камни льется вода, благодаря чему ваннные комнаты немедленно наполняются паром и этот процесс повторяется время от времени. Вдоль стен тянутся деревянные лестницы, и в зависимости от вашего выбора вы занимаете свое место. Влажная атмосфера становится более или менее жаркой по мере того, как вы приближаетесь к верхней площадке лестницы или спускаетесь на пол комнаты. Русские сидят или лежат и развлекаются в этой горячей паровой ванне, температура которой достигает 40°, 45° и 50° по термометру Реомюра, и один человек уверял меня, хотя я с трудом в это верю, что он способен поддерживать температуру в течение длительного времени не менее 55° по Фаренгейту... (...) Каждая пора тела открыта, весь организм погружен в восхитительную усталость, а приятные ощущения не поддаются описанию. Наслаждение еще усиливается, когда слуга поливает ваше лежащее тело теплой водой из ведра. Также у русских принято, чтобы их растирали и даже поролі венниками или пучками березовых веток с листьями, а затем обтирали льняными, хлопчатобумажными или шерстяными тряпками. Время от времени они спускаются со своего возвышения, встают в ванну с холодной водой, и их обливают горячей или холодной водой, а иногда и той и другой поочередно или поливают из ведер на голову и по всему телу.

Летом и осенью русские также выбегают из бани, обливаясь потом, и ныряют в ближайшую реку, а зимой катаются по снегу и некоторые повторяют эту практику два или три раза, прежде чем выйти из бани. Большинство общественных бань в Москве имеют принадлежащие

им просторные дворы, оборудованные скамейками, где летом купальщики одеваются и раздеваются, и по большей части они разделены на две части высоким деревянным частоколом, одна половина которого предназначена для мужчин, а другая — для женщин. Беспорядочное купание теперь стало гораздо более редким явлением, чем раньше, поскольку в городе также есть две бани, или купальные комнаты. У знати, как правило, есть свои собственные бани с раздевалками и всеми удобствами.

Больницы и общественные учреждения Москвы также оборудованы банями. За десять копеек или один пенни крестьянин может принять еженедельную ванну, чаще всего в субботу вечером: для него это самая желанная роскошь после водки... (...) Согласно таблице III, до вторжения в Москву в 1812 году в Москве было не менее 1050 частных и 41 общественных бань, и тот же источник сообщает нам, что в 1817 году в Москве существовало 600 частных и 63 общественных бань, с тех пор их число увеличилось» (*Lyall* 1823: 112–115).

Не менее подробно Лайелл остановится на архитектурных особенностях совсем недавно выстроенного именно в честь пятилетия победы в Отечественной войне 1812 г. в непосредственной близости от кремлевских Троицкой и Кутафьей башен (на месте выгоревших лавок и частных домовладений) «Экзерциргауза» (Манежа) — самого вместительного здания в Москве. Прилагаемый чертеж под тем же названием как раз демонстрировал его торцевой и продольный фасад, проект которых был разработан О. Бове в стиле позднего московского классицизма, а также торцевой разрез специально спроектированного работавшим в России в качестве талантливого инженера и архитектора испанцем А. Бетанкуром (*Agustín José Pedro del Carmen Domingo de Candelaria de Betancourt y Molina*, 1758–1824) многопролетного (в 45 м) деревянного перекрытия из лиственницы, изначально исключавшего использование дополнительных опор (рис. 16). Как выясняется, Лайелл был самым непосредственным свидетелем строительства этого во многом уникального сооружения, которое как по общему архитектурному решению, так и впечатляющим пространственным габаритам он оценивал чрезвычайно высоко: «Неудобства, а иногда

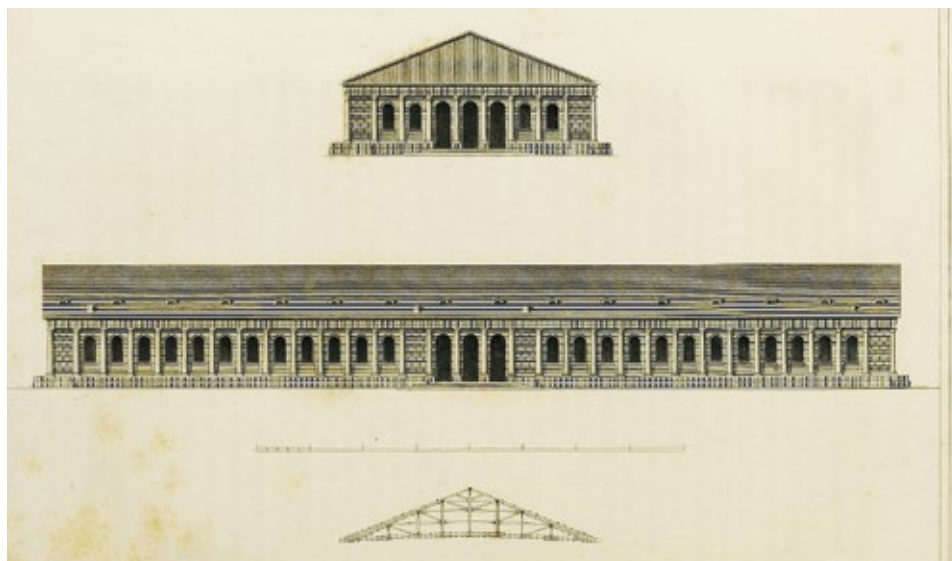

Рис. 16. Экзерциргаз (Lyal 1823)

и невозможность обучения и тренировки войск на открытом воздухе зимой в суровых климатических условиях севера Российской империи делают тренировочные дома абсолютно необходимыми. Их полезность столь же очевидна и летом, когда они защищают солдата и дают ему возможность укрыться в прохладе во время маневров от изнуряющей жары и почти палящего солнца. Поэтому правительство снабдило обе столицы, а также некоторые крупные города России этими великолепными зданиями. Рядом с Зимним дворцом в Санкт-Петербурге находится очень красивый дворец для прогулок, который привлекает внимание приезжего и не имеет аналогов в России. Однако сейчас его намного превосходит по своим размерам, основательности, архитектуре и элегантности новый московский пансионат — огромное здание, которое, словно по мановению волшебной палочки, выросло на наших глазах в 1817 году.

На возвышении было поистине забавно наблюдать за бесчисленными толпами рабочих, торговцев и ремесленников за работой по созданию этого массивного и великолепного здания. (...) Это здание представляет собой две похожие стороны, или фасада, и два схожих торца. План этого здания был разработан генерал-лейтенантом Бетанкуром, а его строительством руководил генерал Шарбонье, для первого — это солидный памятник и обещает свидетельствовать

о его гении и вкусе, когда он долго будет глух к похвалам: деятельность и усердие последнего слишком хорошо известны, чтобы он требовал похвалы.

Фундамент для тренажерного зала был вырыт очень глубокий и широкий. Он был засыпан камнями и кирпичами, большими и маленькими, уложенными надлежащим образом, а затем было насыпано огромное количество жидкой извести, чтобы заполнить все щели и таким образом зацементировать всю массу. Над этим скрытым фундаментом возвышается цокольный этаж из тесаного твердого песчаника высотой около восьми футов, который отличается замечательной прочностью и толщиной для высоты этого здания. Фасад этого цокольного этажа выложен огромными камнями, а внутренняя часть выложена кирпичом. Этот цокольный этаж выступает за пределы существующей кирпичной стены, которая также имеет большую плотность. Каждый фасад здания украшен 32 простыми ионическими колоннами из оштукатуренного кирпича, расположенными на равном расстоянии друг от друга, между которыми расположены красивые большие арочные окна и двери. Неокрашенные дубовые рамы окон и дубовые двери своим оттенком создают приятное цветочное разнообразие на фоне белых стен.

Торцы здания имеют схожие фасады, украшены восемью колоннами или десятью, включая угловые, которые являются

общими для фасадов и торцов. Когда мы входим в это здание, еще не оштукатуренное изнутри, мы приятно удивляемся огромности открытого пространства перед нами. Устремляя взгляд на широкий потолок, мы неосознанно ищем его опоры и, не находя ничего, кроме стен, испытываем неприятное ощущение, а некоторым кажется, что они видят, как центр мягко прогибается, и они быстро отступают. Механическая конструкция крыши этого здания интересует всех, крыша такой длины, ширины и веса, выполненная из материалов, опирающихся только на стены, и такой почти самонесущий потолок кажутся почти невероятными. Мы рекомендуем посетителям посетить чердак этого здания. Летом внутри учебного корпуса прохладно и приятно для солдат. Зимой он обогревается с помощью нескольких печей. Во время визита императора в Москву в 1817–1818 годах это здание было обставлено с большим шиком. Впоследствии его величество часто проводил в нем часы, осматривая войска. В этом доме заявлено, что одновременно могут проводиться учения многих тысяч военнослужащих. (...) Количество войск, которые могут в нем тренироваться, со-

ставляет две тысячи пехотинцев или тысячу кавалеристов... Чтобы читатель мог составить представление о его огромных размерах, я приведу здесь размеры некоторых знаменитых зданий. Длина Вестминстер-холла составляет 27,5 футов, ширина — 74 фута, а высота — 90 футов. Длинный зал Лондонской таможни имеет 190 футов в длину, 66 футов в ширину и 55 футов в высоту» (Lyal 1823: 335–337, 606).

Завершающим архитектурным объектом Первопрестольной, вызвавшим совершенно особый интерес у Лайелла, станет самый крупный тюремный ее комплекс или «Правительственная тюрьма», более известная под названием Бутырский замок (рис. 17). Он был выстроен вслед за последовавшим в 1784 г. обращении Екатерины II к генерал-губернатору Москвы З.Г. Чернышеву (1722–1784), в котором она соглашалась на строительство у Бутырской заставы «каменного губернского тюремного замка вместо уже имевшегося деревянного острога», причем к письму прилагался общий план будущей тюрьмы, схожий с опубликованным Лайеллом со следующими комментариями: «Это красивое учреждение известно под названием Губернский замок,

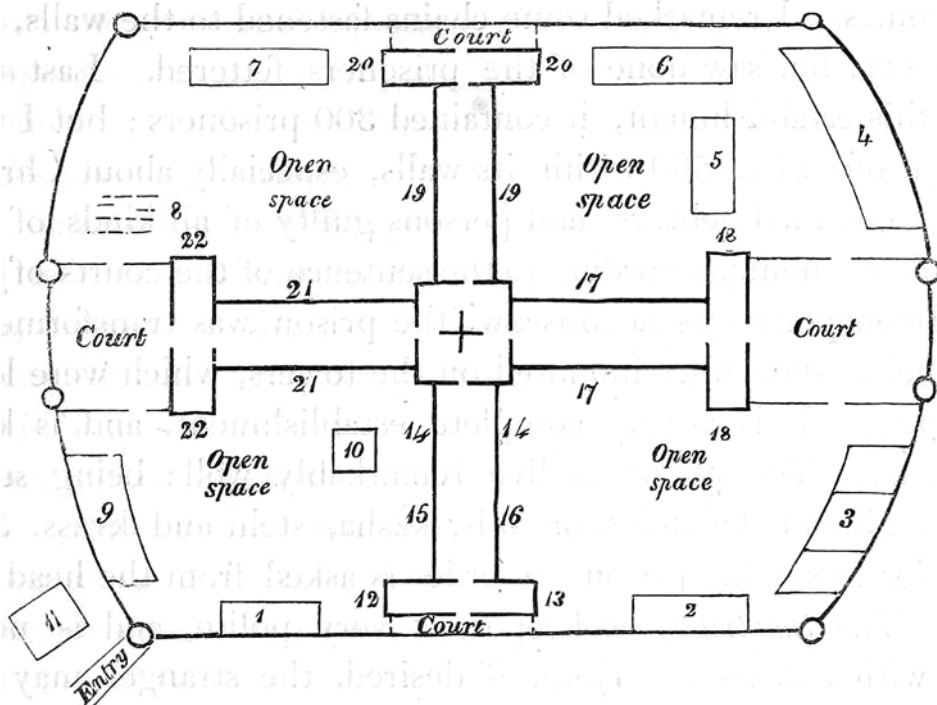

Рис. 17. Правительственная тюрьма (Lyal 1823)

или Острог. Он расположен на Новослободской улице, недалеко от Миуской заставы, или шлагбаума, и как бы за городом. Его границы образованы толстыми, неоштукатуренными, побеленными стенами высотой почти в сорок футов, украшенными большими круглыми башнями на каждом углу, а также двумя прилегающими к ним меньшими башнями с коническими верхушками на юге и таким же количеством башен на севере. Они огораживают большой участок земли. (...) Вокруг стен, помимо караульного помещения, расположены служебные помещения и всевозможные удобства, а за воротами находится небольшая конюшня для лошадей казаков.

Сама тюрьма построена в форме креста, в центре которого расположена церковь. Внутри по обе стороны длинных коридоров расположены комнаты. Мужские и женские комнаты разделены. Отдельно есть комнаты для знати, для свободных людей, для солдат и для крепостных. Один конец коридоров заканчивается в церкви, другой выходит во двор, и оба они оборудованы железными воротами. (...) В прошлый раз, когда я посещал это учреждение, в нем содержалось 300 заключенных, но мне сообщили, что в его стенах часто бывает по 500 человек, особенно на Рождество. (...) Когда Бонапарт был в Москве, тюрьма была превращена в крепость, а на башнях были установлены пушки...» (Lyall 1823: 426). На плане Лайелл помечает цифрами каждое из помещений для уточнения их функционального назначения: «1. Потайные комнаты, низкое здание с маленькими окнами. 2. Дом управляющего. 3. Погреб, печи для кипячения воды, предметы первой необходимости и т.д. 4. Арки с перилами перед ними для сушки белья. 5. Русская баня. 6. Для сушки одежды. 7. Храмы. 8. Склад дров. 9. Караульное помещение. 10. Колодец. 11. Небольшая конюшня для казацких лошадей. 12. Хорошая кухня. 13. Кладовая, или камера для хранения хлеба и припасов. 14. Больница для мужчин — две длинные палаты на сорок коек в каждой. 15. Очень аккуратная аптека. (...) 16. Холодильная камера для хранения лекарств. 17. Две длинные комнаты для мужчин, хорошо отапливаемые, с очень широкими скамьями вдоль каждой стены, на высоте примерно двух с половиной футов от земли, на которых спят заключенные. 18. Маленькие тюремные комнаты. 19. Комнаты,

похожие на № 17, одна из них — больница для женщин, другая — тюрьма. 20. Комнаты, в которых женщины-заключенные моются. 21. Несколько комнат для знати. 22. Комнаты для солдат...» (Lyall 1823: 427).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует отметить немаловажный вклад британца Лайелла в уточнении образно-художественной проблематики, напрямую связанной с градостроительными, архитектурными и функциональными особенностями послепожарной Москвы. Так, неоднократно демонстрируя полностью воссозданный кремлевский ансамбль со стороны Москвы-реки, он признавал его совершенно уникальным произведением мирового зодчества, наиболее полно воплотившего в себе тему величавости при впечатляющем разнообразии разновременной застройки. Необычайно вдохновляло автора и чарующее многообразие московских и подмосковных панорам, открывавшихся с высоты колокольни Ивана Великого. С неменьшим интересом он перечисляет и произошедшие структурные изменения в благоустройстве и застройке Красной площади, которая и по своим колоссальным размерам, и по исключительной своей красоте приобрела ни с чем не сравнимый художественный облик. Особого внимания заслуживают вполне конкретные авторские описания (с неизменным вынесением собственных оценок) целого ряда московских общественных зданий, что позволяет существенно дополнить наши представления и об истории создания, и их первоначальном архитектурном облике. А опубликованный план «Тюремного замка» позволяет даже воссоздать еще не тронутую многочисленными позднейшими перестройками его устойчиво сохранявшуюся и в послепожарный период первоначальную планировочную структуру с указанием вполне конкретного функционального назначения практически каждого помещения.

Исследование Лайелла — по сути первый иностранный опыт столь детального рассмотрения целого ряда архитектурных и градостроительных особенностей послепожарной Москвы, позволяющий существенно дополнить вполне конкретными свидетельствами современника и очевидца общую историю русского зодчества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Будылина 1951 — Будылина М.В. Планировка и застройка Москвы после пожара 1812 года (1813–1818 гг.) // Архитектурное наследство. Вып. 1. М., 1951. С. 135–190.
- Сытин 1972 — Сытин П.В. Пожар Москвы 1812 года и строительство города в течение 50 лет / под ред. И.С. Романовского. М.: Московский рабочий, 1972. С. 33–177.
- Кириченко 1984 — Кириченко Е.И. Об особенностях жилой застройки послепожарной Москвы // Архитектурное наследство. М., 1984. Вып. 32. С. 54–62.
- Сухман 1991 — Сухман М.М. Иностранцы о древней Москве (Москва XV – XVII вв.). М.: Столица, 1991. 432 с.
- Нащокина 1997 — Нащокина М.В. Художественное своеобразие послепожарной Москвы // Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX веков: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. М.: Стройиздат, 1997. С. 270–302.
- Покровская 1997 — Покровская З.К. Городские усадьбы послепожарной Москвы 1810–1820-е гг. // Русская усадьба. Вып. 3(19). 1997. С. 24–35.
- Молокова 2012 — Молокова Т.А. Восстановление Москвы после пожара 1812 г.: новый облик города // Вестник МГСУ. № 6(20). 2012. С. 17–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17988632>
- Collins 1671 — Collins S. The present state of Russia, in a letter to a friend at London; written by an eminent person residing at the Tzars court at Mosco for the space of nine years. London: Printed by John Winter, for Dorman Newman, 1671.
- Speed 1676 — Speed J. A Prospect of the most famous parts of the world. London: Printed by M. F. for William Humble, 1676.
- Mottley 1739 — Mottley J. The history of the life of peter the first, Emperor of Russia. London: Printed for J. Read, 1739.
- King 1772 — King J. The rites and ceremonies of the Greek church, in Russia; containing an account of its doctrine, worship, and discipline. London: for W. Owen etc., 1772.
- Ackermann 1813 — Ackermann R. Historical sketch of Moscow: illustrated by twelve views of different parts of that imperial city, the Kremlin, & c. London: Published by R. Ackermann, Harrison and Leigh, printers, 1813.
- Johnston 1815 — Johnston R. Travelers through Parts of Russian Empire and the Country of Poland, along the Southern Shoes of the Baltic. London: Printed for J.J. Stockdale, 1815.
- Bensley 1815 — Bensley T. An illustrated record of important events in the annals of Europe, during the years 1812, 1813, 1814, & 1815: comprising a series of views of Paris, Moscow, the Kremlin, Dresden, Berlin, the battles of Leipzig, etc. etc. etc. London: Printed by T. Bensley, Bolt Court, Fleet Street, for R. Bowyer, Marlborough Place, Pall Mall, 1815.
- Clarke 1816 — Clarke E. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey. London: T. Cadell and W. Davies, 1816
- James 1816 — James J. Journal of a Tour in Germany, Sweden, Russia, Poland, in 1813. London: Printed for John Murray, 1816.
- Lyall 1823 — Lyall R. The character of the Russians and a detailed history of Moscow. Illustrated with numerous engravings. With a dissertation on the Russian language; and an appendix, containing tables, political, statistical, and historical; an account of Imperial Agricultural Society of Moscow; a catalogue of plants found in and near Moscow; an essay on the origin and progress of architecture in Russia, &c. &c. London: T. Cadell, 1823.
- James 1827 — James J. Views in Russia, Sweden, Poland and Germany. London: John Murray, 1827.

REFERENCES

- Budylna M.V. Planirovka i zastrojka Moskvy posle pozhara 1812 goda (1813–1818 gg.) (Planning and building of Moscow after the fire of 1812 (1813–1818)). Vol. 1. *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage. Issue 1)*. M., 1951, pp. 135–190 (in Russian).
- Sytin P.V. *Pozhar Moskvy 1812 goda i stroitel'stvo goroda v techenie 50 let (The Fire of Moscow in 1812 and the construction of the city for 50 year)*. I.S. Romanovskogo (ed.). M.: Moskovskij rabochij, 1972, pp. 33–177 (in Russian).

- Kirichenko E.I. Ob osobennostyakh zhiloj zastrojki poslepozharnoj Moskvy (On the peculiarities of residential development in post-fire Moscow). *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*. M., 1984. vol. 32, pp. 54–62 (in Russian).
- Suhman M.M. *Inostrancy o drevnej Moskve (Moskva XV – XVII vv.) (Foreigners about modern Moscow (Moscow XV – XVII centuries))*. M.: Stolica, 1991 (in Russian).
- Nashchokina M.V. Hudozhestvennoe svoebrazie poslepozharnoj Moskvy (The artistic originality of post – fire Moscow). *Arhitekturnye ansambli Moskvy XV – nachala XX vekov: principy hudozhestvennogo edinstva (Architectural ensembles of Moscow XV – early XX centuries: principles of artistic unity)*. T.F. Savarenskoj (ed.). M.: Strojizdat, 1997, pp. 270–302 (in Russian).
- Pokrovskaya Z.K. Gorodskie usad'by poslepozharnoj Moskvy 1810–1820-e gg. (Urban estates of post-fire Moscow 1810–1820-ies). *Russkaya usad'ba (Russian manor)*, vol. 3(19), 1997, pp. 24–35 (in Russian).
- Molokova T.A. Vosstanovlenie Moskvy posle pozhara 1812 g.: novyj oblik goroda (Reconstruction of Moscow after the 1812 fire of Moscow: new look of the city). *Vestnik MGSU [Proceedings of Moscow State University of Civil Engineering]*, vol. 6(20), 2012, pp. 17–22 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17988632> (in Russian).
- Collins S. *The Present State of Russia, in a letter to a friend at London; written by an eminent person residing at the Tzars court at Mosco for the space of nine years*. London: Printed by John Winter, for Dorman Newman, 1671.
- Speed J. *A Prospect of The Most Famous Parts of the World*. London: Printed by M. F. for William Humble, 1676.
- Mottley J. *The History of the Life of Peter the First, Emperor of Russia*. London: Printed for J. Read, 1739.
- King J. *The rites and ceremonies of the Greek church, in Russia; containing an account of its doctrine, worship, and discipline*. London: for W. Owen etc., 1772.
- Ackermann R. *Historical sketch of Moscow: illustrated by twelve views of different parts of that imperial city, the Kremlin, & c.* London: Published by R. Ackermann, Harrison and Leigh, printers, 1813.
- Johnston R. *Travelers through Parts of Russian Empire and the Country of Poland, along the Southern Shores of the Baltic*. London: Printed for J.J. Stockdale, 1815.
- Bensley T. *An illustrated record of important events in the annals of Europe, during the years 1812, 1813, 1814, & 1815: comprising a series of views of Paris, Moscow, the Kremlin, Dresden, Berlin, the battles of Leipzig, etc. etc. etc.* London: Printed by T. Bensley, Bolt Court, Fleet Street, for R. Bowyer, Marlborough Place, Pall Mall, 1815.
- Clarke E. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey*. London: T. Cadell and W. Davies, 1816.
- James J. *Journal of a Tour in Germany, Sweden, Russia, Poland, in 1813*. London: Printed for John Murray, 1816.
- Lyll R. *The character of the Russians and a detailed history of Moscow. Illustrated with numerous engravings. With a dissertation on the Russian language; and an appendix, containing tables, political, statistical, and historical; an account of Imperial Agricultural Society of Moscow; a catalogue of plants found in and near Moscow; an essay on the origin and progress of architecture in Russia, &c. &c.* London: T. Cadell, 1823.
- James J. *Views in Russia, Sweden, Poland and Germany*. London: John Murray, 1827.